

КУЛЬТУРА СМЕРТИ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА*Д.А. Комаров*

Разработка вопросов, связанных с религиозным мировоззрением и поведением русского крестьянства, предполагает детальное изучение проявлений религиозности в различных сферах деревенской повседневности. Смерть – ключевое понятие любой религии, одна из коренных категорий коллективного мировоззрения. Соответственно более или менее существенные изменения в массовом сознании не могли не проявляться в эволюции отношения крестьянского сообщества к смерти¹.

Между тем подобный взгляд на проблему по-прежнему не нашёл реализации в довольно многочисленных работах, где она затрагивается прямо или косвенно. Появившись в поле зрения исследователей ещё в дореволюционный период, «смертная» тематика долгое время не выходила за пределы репрезентаций статистических данных, публицистических воззваний, сводов и интерпретаций этнографического материала². В советский период специалисты обращали внимание лишь на отдельные проблемы, связанные с этим вопросом³. Однако значительная часть имеющихся публикаций посвящена исследованию похоронно-поминальной обрядности второй половины XIX – начала XX в.⁴ Появившиеся в последнее десятилетие работы российских и зарубежных исследователей отчасти восполнили дефицит культурно-антропологической и социально-исторической интерпретации

¹ *Гуревич А.Я.* Смерть как проблема исторической антропологии // *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». – М., 1993. – С. 229–230.

² *Экк И.В.* Опыт обработки статистических данных о смертности в России. – СПб., 1888; *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. – Пг., 1916; Борьба с детской смертностью // *Русская мысль.* – 1903. – Июнь; *Генерозов Я.* Русские народные представления о загробной жизни на основании заплачек, причитаний, духовных стихов и пр. – Саратов, 1883; *Горожанский Я.* О смерти и посмертном существовании по причитаниям северного края: Опыт исследования // *Русский филологический вестник.* – 1885. – Т. XIII. – Вып. 2; *Беньковский И.* Смерть, погребение и загробная жизнь по понятиям и верованиям народа. – Киев, 1896; *Зеленин Д.* Очерки русской мифологии. – Пг., 1916. – Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки; и др.

³ *Гусев В.Е.* От обряда к народному театру: Эволюция святочных игр в покойника // *Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор.* – Л., 1974; *Толстая С.М.* Магия против смерти // *Балканские чтения–2. Симпозиум по структуре текста.* – М., 1992; *Ерёмина В.И.* Заговорные колыбельные песни // *Фольклор и этнографическая действительность.* – СПб., 1992; *Чистов К.В.* К вопросу о магической функции похоронных причитаний // *Историко-этнографические исследования по фольклору.* – М., 1994; и др.

⁴ См., напр.: *Исследования в области балто-славянской культуры: погребальный обряд.* – М., 1990; *Похоронно-поминальные обычаи и обряды.* – М., 1993; *Носова Г.А.* Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. – М., 1993; *Седакова О.А.* Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М., 2004; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. – М., 1991; *Рэйли М.В.* Истоки жизни: русские обряды и традиции. – СПб., 2002.

имеющихся материалов⁵. Однако в целом тема смерти как неотъемлемого компонента крестьянской повседневности не имеет собственной историографической традиции. Между тем комплексное изучение культуры смерти русского крестьянства в историко-антропологическом контексте может не только способствовать реконструкции крестьянского религиозного мировоззрения, но и отчасти восполнить пробелы в картине социальной истории пореформенной России.

В данном случае попытка решения этой задачи предпринята на основе комплекса опубликованных и неопубликованных источников. Помимо этнографических материалов и произведений устного народного творчества, в работе используются источники личного происхождения, периодическая печать и статистика.

Культура смерти как совокупность социально-психологических стереотипов, православных традиций и ритуализованных народных обычаев, отражающих медленно изменявшееся представление о смерти и взаимоотношении живых и умерших, занимала особое место в жизни сельского мира. В сущности, смерть крестьянину была близка. В условиях полной зависимости от природы никто не был застрахован от голода, внезапного разорения, падежа скота, других бедствий. Но, несмотря на воспитанное веками и фактически узаконенное христианством фаталистичное восприятие смерти, предопределённой свыше и не зависящей от воли человека («...умирает не старый, а тот, кому час воли Божией пробьет»⁶), мотив смерти как желанного избавления от жизни, своеобразной формы протеста против недостойного человека существования не свойствен крестьянскому фольклору: «Как жить ни тошно, а умирать еще тошней», «Жить – мучиться, а умирать не хочется»⁷.

Устное народное творчество достаточно ярко демонстрирует дуалистичную трактовку категорий бытия, к которым принадлежит и смерть. Многие жанры фольклора наглядно свидетельствуют о восприятии смерти как данности судьбы, осознании неизбежности конца пути любого человека («Двум смертям не бывать, а одной не миновать», «Как не биться, а от смерти не отбиться»⁸) и одновременно о непримиримости с потерей близких людей, «непокорности» смерти, пришедшей по ошибке или действующей по собственной (а не Божьей) воле. Неслучайно одним из популярных сюжетов русского фольклора является обман или «одурачивание» смерти: «Смерть пришла – меня дома не нашла». В русских сказках присутствует и тема её своеобразного «приручения»: так, смерть, «приглашенная» в крестные матери, может сделать богатым своего крестника⁹.

Сохранившаяся во многих русских деревнях вплоть до начала XX в. практика

⁵ Прокофьева Н.Н. «Путь домой»: подготовка к смерти в русской традиционной культуре XIX–XX вв. // Альманах «Канун». – СПб., 1999. – Вып. 5: Пограничное сознание; Шульга Е.Н. Идея смерти в миропонимании русского народа // Идея смерти в российском менталитете / Под ред. Ю.В. Хен. – СПб., 1999; Рэнсел Д. «Старые младенцы» в русской деревне // Менталитет и аграрное развитие России XIX–XX вв. – М., 1999.

⁶ Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. – М., 1901. – С. 520.

⁷ Тверские пословицы и поговорки / Сост. Л.В. Брадис, В.Г. Шомина. – Тверь, 1993. – С. 8; Малые жанры русского фольклора: Пословицы, поговорки, загадки: Хрест. для филол. спец. ун-тов и пед. институтов / Сост. В.Н. Морохин. – М., 1979. – С. 79.

⁸ Тверские пословицы ... – С. 8.

⁹ Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа: Объяснительный словарь. – М., 1996. – С. 178; Сборник великорусских сказок архива РГО. – Пг., 1917. – Вып. 1. – С. 303–306, Вып. 2. – С. 532–534, 767.

коллективных обрядов с целью избавления от эпидемии и других бедствий («опахивания», жертвоприношения и т. п.) в свою очередь демонстрирует стойкую народную веру в возможность «профилактики» смерти¹⁰. Вместе с тем в крестьянской среде были достаточно популярны и приёмы «провоцирования» смерти. Даже эпизодически сохранившиеся описания магических практик изобилуют возможными сценариями сведения счётов с потенциальной жертвой. Для достижения желаемого могли решиться читать Псалтирь за упокой или заказывать панихиды¹¹. Невольным приглашением смерти, по крестьянскому убеждению, могли являться и обычные домашние хлопоты: «Нельзя мести сор к входной двери – кого-нибудь из дома выметешь», «Подушку на стол не клади – покойника наворожишь» и т. п. Нарушение этих правил, по народным воззрениям, могло «свести в могилу» одного из домочадцев¹².

Русское крестьянство достаточно чётко классифицировало виды человеческой смерти. В народе ряда российских регионов устойчиво бытовало представление естественной и неестественной («напрасной») смерти. Так, согласно толковому словарю В.И. Даля, умереть можно: «... своей смертью, природною, отжив, одряхлев; внезапною... неожиданно и вдруг; болезненною, немощною... от долгой немочи, хвори; насильственную, быть убитому, отравленному; случайною, несчастною от случая, ... напр. утонуть»¹³.

К естественной (не скоропостижной) смерти, приходящей по старости, отношение было едва ли не благостное: «Ну, пожил и будет – умирать пора»; «Благослови, Господи, помереть на родной сторонке, в свой час!». Закат временной (земной) жизни приближал православного крестьянина к озаренному лучами бессмертия рассвету вечности¹⁴.

Смерти «напрасной» (нечаянной, преждевременной) страшились и желали самым заклятым врагам: не дожившая в бренном теле свой век душа обречена на долгие скитания. Путь в Царствие Небесное, по крестьянским представлениям, был закрыт для умерших от запоя, самоубийц, утопленников и т. п.¹⁵

Смерть от природной стихии рассматривалась двойко. Так, по народным воззрениям, молния могла убить человека, в которого вошел черт. Вместе с тем считалось, что люди, убитые громом, – угодные Богу¹⁶.

¹⁰ Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии). – СПб., 1993. – С. 143, 269; *Троицкий Н.* Суеверный обычай, требующий уничтожения // Руководство для сельского пастыря (далее – РДСП). – 1865. – Т. 3. – С. 245–247; *С.И.Н.* Еще суеверный обычай, требующий уничтожения // РДСП. – 1866. – Т. 1. – С. 286–289; *Ушаков Д.Н.* Материалы по народным верованиям великороссов // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). – 1896. – № 2–3.

¹¹ *Моргачёв Д.Е.* Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев / Сост. А.Б. Рогинский. – М., 1989. – С. 237.

¹² Быт великорусских крестьян... – С. 132.

¹³ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – СПб.; М., 1914. – Т. IV. – Ст. 285.

¹⁴ Быт великорусских крестьян... – С. 285; *Коринфский А.А.* Указ. соч. – С. 534. См.: *Столяров И.* Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / Сост. М. Вострышев. – М., 1989. – С. 483.

¹⁵ *Зеленин Д.* Очерки русской мифологии...

¹⁶ Быт великорусских крестьян... – С. 120; *Семенова О.П.* Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Ранненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии // Живая старина (далее – ЖС). – 1898. – Вып. II. – С. 230; Смоленский этнографический сборник / Сост. В.Н. Добровольский. – СПб., 1891. – Ч. I. – С. 226.

Самоубийство, по народному мнению, – большой грех и преступление, навсегда лишаящее бессмертную душу наследования Царства Божьего и обрекающее её на вечные мучения¹⁷. Так или иначе, но находившаяся на минимальном уровне статистика самоубийств в дореволюционной России свидетельствует о значимости христианской концепции жизни в крестьянском сознании¹⁸.

Убийство (исключая самозащиту) во все времена однозначно расценивалось как тягчайший грех: «Посягающий на свою или чужую жизнь – похититель достоинства Господня». При этом убийство невинного человека, согласно крестьянским представлениям, отличалось по тяжести преступления (греха) от убийства вора или разбойника: «Собаке и смерть собачья»¹⁹.

В деревенской повседневности вполне естественный природный страх перед смертью во всех её проявлениях соседствовал с периодическим присутствием темы смерти во многих деревенских праздниках, играх и обрядах²⁰. Однако данное наблюдение – отнюдь не свидетельство «романтизации» смерти в крестьянском мировоззрении. Известно, что традиционные общества принимают «прирученную смерть» в качестве естественной («Богом данной») неизбежности, а сложная социальная игра в смерть (здесь и далее курсив мой. – Д.К.) обычно предназначена для преодоления страха смерти²¹. И тому были весьма веские основания.

Смертность в дореволюционной России была катастрофически высокой, гораздо выше, чем в западноевропейских странах²². Основными причинами тому являлись неполноценное питание, тяжёлый труд, антисанитария и многочисленные предрассудки²³.

Безусловным лидером скорбной статистики был уровень младенческой и детской смертности, являвшийся, по сути, обратной стороной высокой рождаемости в русской деревне. Так, например, в Тверской губернии в конце XIX в. умирало 34% новорожденных (43% всех умерших в течение года); до пяти лет – 47% детей; от рождения до десяти лет – 49,5%. Таким образом, до десяти лет здесь доживали лишь пять из десяти родившихся детей²⁴. «Морушка. На детей скорушка», – бес-

¹⁷ Быт великорусских крестьян... – С. 279; Костоловский Ив. Народные поверия жителей Ярославского края // ЖС. – 1916. – Вып. II–III. – Приложение № 5. – С. 036; Добровольский В. Народные сказания о самоубийцах. Село Даньково Смол. уезда, Сельцо Рудня Ельнинск. уезда // ЖС. – 1894. – Вып. III. – С. 204–214.

¹⁸ Историко-статистическое описание Тверской губернии, составленное В. Покровским. – Тверь, 1879. – Т. I: Исторический очерк губернии, её территория и народонаселение. – Отдел III. – С. 275; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2 т. – СПб., 2003. – Т. 2. – С. 416. – Табл. 50.

¹⁹ Коринфский А.А. Указ. соч. – С. 541; Быт великорусских крестьян... – С. 292.

²⁰ Быт великорусских крестьян... – С. 158; Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. – СПб., 1898. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 367; Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. – М., 1999. – С. 207; Ваучский А. Из жизни деревни // РДСП. – 1902. – Т. 1. – С. 264–267.

²¹ См.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М., 1992.

²² Эрк И.В. Опыт обработки статистических данных... – С. 7.

²³ Быт великорусских крестьян... – С. 224–228, 282–284; Историко-статистическое описание Тверской губернии... – Отдел II. – С. 142; Санитарные заметки о Тверской губернии // Тверской вестник. – 1880. – № 25–28; Грязнов П. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топографии Череповецкого уезда. – СПб., 1880.

²⁴ Историко-статистическое описание Тверской губернии... – Отдел II. – С. 143. Данные по другим регионам практически идентичны тверским (Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. О.П. Семенов-Тянь-Шанской. – СПб., 1914. – С. 57; Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губернии // ЖС. – 1897. –

страстно констатирует тверская поговорка²⁵.

Степень заботы о детях в дореволюционной деревне была обусловлена сезонным ритмом работ. В той же Тверской губернии наибольший уровень смертности (преимущественно – младенческой) фиксировался в июле и августе (в пору страдных полевых работ), наименьший – в сентябре – ноябре (по окончании основных земледельческих работ и относительном достатке питания)²⁶. По наблюдениям очевидцев, в страду младенцев парили в печи и поили маковым настоем, чтобы они спали как можно больше, кормили «чем придется». В результате – обостряющиеся инфекционные заболевания и летний понос уносили тысячи детских жизней²⁷.

Не имевшие возможности уделить должное внимание ребенку родители полагались на Божью волю: «Коли суждено жить – выживет, коли нет – Бог к себе приберет»²⁸. Подмосковный крестьянин С. Семёнов в своё время подметил: «Когда в деревне умирает ребенок, говорят, что его Бог прибрал, и баба мало горюет о нем; напротив, многие крайне печалются, когда ребенок родится на рабочую пору»²⁹. Такое отношение к новорожденным вполне убедительно демонстрируют и тексты колыбельных песен, бытовавших в крестьянской среде:

«Бай, бай, да люли! / Хоть сегодня умри. / Сколочу тебе гробок / Из дубовых досок. / Завтра мороз, / Снесут на погост. / Бабушка старушка! / Отрежь полотенце, / Накрыть младенца. / Мы поплачем, повоем, / В могилку зароем» (Тверская губ.)³⁰.

В сущности, подобный родительский фатализм являлся вполне естественной психологической защитой³¹. Суровая действительность диктовала свои законы. Кроме того, согласно народной вере, безгрешные младенцы, умершие окрещёнными, «небесною радостью в недрах Авраама радуются, находясь в ангельских

Вып. 1. – С. 58; *Зобнин Ф.* Усть-Ницынская слобода Тюменского уезда Тобольской губ. // *ЖС.* – 1898. – Вып. II. – С. 156; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. ст. – М., 1977).

²⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 2492. – Л. 13.

²⁶ Историко-статистическое описание Тверской губернии... – Отд. II. – С. 145.

²⁷ Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда (Священника Н. Лебедева) // Этнографический сборник, издаваемый ИРГО. – СПб., 1853. – Вып. I. – С. 11; Быт великорусских крестьян... – С. 265; Четырнадцатый съезд земских врачей Тверской губернии: Протоколы и труды. 17–26 августа 1900. – Тверь, 1901. – С. 115; Борьба с детской смертностью... – С. 108, 114; Жизнь «Ивана»... – С. 10, 15–16, 57; *Макаренко А.* Материалы по народной медицине... – С. 64, 98–99.

²⁸ Великорус... – СПб., 1900. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 777; Быт великорусских крестьян... – С. 285; *Мироносицкий П.* Дневник учителя церковно-приходской школы. – СПб., 1896. – С. 89; Из 25-летней практики сельского учителя: Воспоминания, очерки и заметки Е. Стрельцова. – СПб., 1875. – Часть первая: Сельская школа, 1849–1864. – С. 91; *Энгельгардт А.Н.* Из деревни: 12 писем, 1872–1887. – СПб., 1999. – С. 73; *Рэнсел Д.* Указ. соч. – С. 107–109.

²⁹ *Семенов С.Т.* Двадцать пять лет в деревне. – Пг., 1915. – С. 71. Подобные замечания высказывали и другие современники. См.: *И-ва Д.* Из записок земского врача // *Русская мысль.* – 1884. – Кн. XII. – С. 76.

³⁰ Великорус... – Т. 1. – Вып. 1. – С. 10 (см. также: Быт великорусских крестьян... – С. 266). В отечественной фольклористике имеются иные гипотезы (см., напр.: *Ерёмина В.И.* Указ. соч.)

³¹ За рамками статьи оставляем факты искусственного прерывания беременности (традиционно рассматриваемые православной церковью и народной этикой как убийство), имевшие место в дореволюционной деревне (Быт великорусских крестьян... – С. 139, 277; Жизнь «Ивана»... – С. 40; *Булгаков С.В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) / Репринтное воспроизведение издания 1913 г. – М., 1993. – Ч. 2. – С. 1093; *Вишневский А.Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // *Брачность, рождаемость, смертность...* – С. 126–127).

светообразных местах»³². Соответственно никаких причитаний по усопшим младенцам, как правило, не было: «Грех, – ангельская душенька, – ангелы уносят сразу на небо»³³. Неслучайно умерших детей иногда хоронили подпоясанными, чтобы они могли собирать за пазуху райские плоды³⁴.

Голод, нищета, слабое здоровье и отсутствие эффективных методов контрацепции порой заставляли крестьян создавать неблагоприятные условия для выживания младших, в особенности хворых детей³⁵. Осознавая в подобных случаях свою ответственность за произошедшее не только перед Богом, но и перед законом, крестьянки могли пойти на «хитроумный» вариант уклонения от уголовной ответственности, обставляя факт гибели ребенка как случайность: младенца, которого мать «приспала» (бессознательно задушила во время сна), обычно погребали без соответствующей экспертизы³⁶. Уголовное наказание заменялось церковной епитимией, однако непростительный грех для материнского сердца отягощался народным поверьем о ненаследовании приспанным младенцем (даже крещёным) Царствия Небесного³⁷.

Определенную лепту в скорбную статистику мог внести и женский религиозный фанатизм: лишение младенца молока в пост и замена его тряпичным рожком с жеваным хлебом или кашей естественным образом сокращало шансы ребенка на выживание. Тем не менее, как замечали очевидцы, «оскоромить младенческую душеньку мать ни за что не решится, и если ребёнок умрет, то, стало быть, это Божья власть и, значит, ребенок угоден Богу»³⁸.

Вообще сама *смерть* зачастую являлась гораздо более существенным фактором формирования религиозности, чем, например, церковные императивы. «Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает», – гласит народная мудрость³⁹.

Актуализация религиозных переживаний в определённой степени компенсаци-

³² Семенова О.П. Смерть и душа... – С. 231; Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1364. По народному убеждению, посмертная участь детей, умерших некрещёнными, трагична: их уносили черти (Быт великорусских крестьян... – С. 122).

³³ Великорус... – Т. 1. – Вып. 2. – С. 778; Барсов Е.В. Погребальные обычаи на Севере России // Причитанья Северного края, собр. Е.В. Барсовым. – М., 1872. – Ч. 1. – С. 312. Неслучайно столь незначительно количество причитаний по умершим младенцам в любом сборнике русских причитаний.

³⁴ Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1294.

³⁵ Быт великорусских крестьян... – С. 283; Великорус... – Т. 1. – Вып. 2. – С. 777; Энгельгардт А.Н. Указ. соч. – С. 73; Янов В.В. Краткие воспоминания о пережитом // Воспоминания крестьян-толстовцев... – С. 6–8; И-ва Д. Указ. соч. – С. 75–76; Борьба с детской смертностью... – С. 114, 122; Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение русского крестьянства // Брачность, рождаемость, смертность... – С. 98–99.

³⁶ Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1117, 1303. По данным дореволюционных исследователей, число детоубийств в уездах (прежде всего среди крестьян) почти в два раза превышало городскую статистику (Трайнин А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. – 1909. – Кн. VII. – С. 20). Судя по замечаниям современников, добрая половина баб «присыпала» в своей жизни хоть одного ребенка (Жизнь «Ивана»... – С. 5).

³⁷ Смоленский этнографический сборник. – Ч. I. – С. 93; Забылин М. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1880. – С. 256.

³⁸ Максимов С.В. Указ. соч. – С. 87; Быт великорусских крестьян... – С. 62, 265; И-ва Д. Указ. соч. – С. 75; Николаева М.К. Деревня в старину: Из моих воспоминаний // Северный вестник. – 1891. – № 3. – Отд. I. – С. 131; Селиванов В.В. Год русского земледельца (Зарайский уезд, Рязанской губернии) // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / Сост. Ю.В. Лебедев. – М., 1987. – С. 53, 138; Макаренко А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск, 1993. – С. 100.

³⁹ Толковый словарь живого великорусского языка... – Ст. 285.

рвала страх перед приближающейся смертью у стариков⁴⁰. Ощущение зыбкости жизни, близости смерти «оживляло» религиозные чувства русских солдат (по преимуществу крестьян)⁴¹.

Преждевременная смерть родителей – частая причина развития нестандартных религиозных ориентаций у крестьянских детей. Именно раннее сиротство стало мотивом и естественным основанием для последующих аскетических подвигов, увлечений учением Л.Н. Толстого или сектантскими проповедями⁴². Переживание личной трагедии и раннее осознание полной зависимости от воли всемогущего Творца производило неизгладимое впечатление на неокрепшую детскую психику. Уникальное письменное свидетельство о пережитой в раннем детстве смерти матери оставил в своих мемуарах выходец из патриархальной крестьянской среды П.А. Сорокин: «Я не совсем ясно представляю себе, что произошло, но чувствую: случилось нечто катастрофическое и непоправимое. Мне уже не так голодно и холодно, как было совсем недавно, но теперь я внезапно ощутил себя подавленным, одиноким и потерянным. Завывание метели, мечущиеся тени, слова “смерть”, “умерла”, произнесенные братом, причитания крестьянки о “бедных сиротках” – всё это увеличивает чувство горя»⁴³. Побудительные мотивы индивидуального религиозного поведения, ярко проявляющиеся в момент встречи со смертью (своей или близких), по-прежнему остаются одной из неисследованных областей социальной психологии. С.А. Рачинский, в течение трёх десятилетий руководивший школой в одном из сел Смоленской губернии и не понаслышке знавший крестьянскую жизнь, отмечал: «Любой крестьянский ребёнок видит смерть вблизи, со всеми её ужасающими подробностями, во всем её таинственном величии и научается смотреть на неё трезво и просто, с покорностью и надеждою»⁴⁴. Сходные по характеру личные замечания на эту тему оставил И. Столяров из села Карачун Воронежской губернии, подробно описавший собственные детские впечатления от наблюдения за наступлением смерти пожилой соседки. По его словам, «крестьянские дети привыкли с раннего детства видеть близко смерть. ... Только подростки и молодые, полные жизни и сил, желая жить, боятся смерти. Остальные же принимают смерть как Божие послание...»⁴⁵.

Своеобразные представления о посмертной участи души и загробном мире являлись неотъемлемым компонентом крестьянского мировоззрения. Примечательно, что в произведениях различных жанров русского фольклора (за исключением сказок) тема изображения Страшного суда и ада превалирует над изображением рая, Царствия Небесного⁴⁶. Неслучайно *страх Божий* (обычно ассоции-

⁴⁰ Быт крестьян Тверской губернии... – С. 5–6.

⁴¹ Поршнева О.С. Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.) // Социальная история. Ежегодник. – 2001/2002. – М., 2004. – С. 365.

⁴² См.: Иеромонах Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. – Тверь, 1992–2002. – Кн. 1–5.; Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1994–1996; Воспоминания крестьян–толстовцев...; и др.

⁴³ Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиографический роман / Пер. с англ. – Сыктывкар, 1991. – С. 8.

⁴⁴ Заметки о сельских школах С. Рачинского. – СПб., 1883. – С. 13.

⁴⁵ Столяров И. Указ. соч. – С. 376–378, 482–483.

⁴⁶ Генерозов Я. Указ. соч.; Горожанский Я. Указ. соч.; Беньковский И. Указ. соч. В сказке «тот свет» чаще отождествляется с далёкой страной, изобилующей различными диковинами и снедью (см., напр.: Елеонская Е.Н. Представление «того света» в русской народной сказке // ЭО. – 1913. – Вып. 3 и 4).

руемый с Божьим гневом) всегда являлся одним из ведущих мотивов в крестьянской жизнедеятельности.

При очевидном приближении смерти приглашали священника для исповеди и соборования⁴⁷. Исповедь на смертном одре повсеместно рассматривалась самой ответственной и значимой, особенно важной для посмертной судьбы души («Смерть по грехам страшна», «Грех не смех, когда придет смерть»⁴⁸). Старики и тяжело больные готовились к ней особенно тщательно, заранее припоминая допущенные в течение жизни прегрешения. В деревнях бытовало убеждение, что души людей, умерших без исповеди и причастия, скитаются по земле, пугают людей и производят различные несчастья между ними⁴⁹.

В крестьянском мировоззрении таинство елеосвящения приобрело значение, отличное от канонического. Оставшихся в живых соборованных сторонились. По обычаю им следовало принять различные обеты (например, не вступать в брак). В силу этого предрассудка даже смертельно больная молодёжь стремилась избежать соборования⁵⁰.

С приходом смерти наставало время подготовки к похоронам. Крестьянская похоронная традиция состояла из православного обряда отпевания и погребения, возведённых в обычай элементарных мер гигиенического характера, причитаний, и единодушно признавалась как общественным мнением, так и церковью моральной обязанностью по отношению к покойным.

Общеизвестно, что точное выполнение всех ритуализованных похоронно-поминальных обычаев являлось для крестьян залогом не только удачной посмертной судьбы покойного, но и благополучия продолжающих свой земной путь родственников и односельчан. Неслучайно погребально-поминальная традиция в наименьшей степени подверглась социокультурной трансформации второй половины XIX – начала XX в.⁵¹ Одновременно вплоть до конца XIX в. по-прежнему актуальной оставалась и церковная агитация хоронить умерших в установленный законодательством срок и на специально отведённых кладбищах⁵².

В русской культуре смерти христианская поминальная этика, канонически подразумевающая молитвенное ходатайство живых перед Богом и святыми о загробном благополучии усопших⁵³, трансформировалась в концептуально противоположную практику: живые повсеместно просили помощи и заступничества у умерших родственников и близких в самых разнообразных житейских и бытовых

⁴⁷ Быт великорусских крестьян... – С. 287; *Столяров И.* Указ. соч. – С. 483.

⁴⁸ *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М., 2000. – С. 483.

⁴⁹ *Булгаков С.В.* Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1316.

⁵⁰ ГАТО. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 365. – Л. 9 об.; *Булгаков С.В.* Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1280, 1286.

⁵¹ *Селиванов В.В.* Указ. соч. – С. 141–144; Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах А.Н. Минхом. – СПб., 1890. – С. 131–138; Смоленский этнографический сборник... – Ч. II. – С. 313–317; *Покровский Н.А.* Потеряла ли свою законную силу бытующая старина в сознании Русского народа? // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (Обычное право, обряды, верования и пр.). – М., 1891. – Вып. III. – С. 62–63; *Первухин А.Г.* Из мира исчезающих обрядов и обычаев. Некоторые «заплатки» и обычаи, связанные с похоронами // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. – Тверь, 1906.

⁵² См: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. – СПб., 1886. – С. 71–72; *Пономарёв С.* Очерки народного быта // Северный вестник. – 1887. – Февраль. – № 2. – Отд. II. – С. 61–62.

⁵³ Вечные загробные тайны: Как живут наши умершие, их союз с живыми, их блаженство и муки. – М., 1908. – С. 166–167.

нуждах и неурядицах⁵⁴.

При этом стремление всячески угодить покойникам после смерти и во время похорон, как правило, сопровождалось пассивно-равнодушным отношением крестьянства к сельскому кладбищу. Кладбищенская эстетика подразумевает превращение земного прибежища мёртвых в цветущий сад, долину зелени и вечного покоя, располагающих к христианскому смирению перед неизбежной вечностью. Согласно же куда более скромным церковным предписаниям и здравому смыслу, кладбище следовало обносить оградой или окапывать канавой, чтобы на него не забредал скот⁵⁵. Однако далеко не каждый сельский «некрополь» в дореволюционной России олицетворял собой трогательную заботу православных крестьян о покое усопших.

В крестьянском сознании кладбище, как сакрально узаконенное пространство смерти, довольно прочно ассоциировалось с особой мистической средой, являющейся центром многочисленных пережитков культа предков и магических практик⁵⁶. Вместе с тем поразительное равнодушие прихожан к погостам не раз становилось объектом внимания церковной периодики: «Не может быть более грустного вида, как вид наших сельских кладбищ... На кладбищах пасётся скот и роются свиньи, а что самое ужасное, иногда даже подле могил истлевают летом падаль, так что невыносимо пройти туда. О кладбищах прихожане не заботятся, и всякие увещания помочь делу остаются без последствий потому, что крестьяне дорожат тем куском земли для выгона скота и свиней... кладбище, которое так возмущает христианское чувство. Только зароят покойника, сейчас же являются свиньи, только поставят крест, как несколько дней спустя он уже косится...»⁵⁷. «Сначала на могилу насыпает бугорок, обложат дерном и поставят деревянный крест; но пройдет немного годов, бугорок опадет и сравняется с землею, крест распадётся и истлеет. Ещё немного лет, и уже не знают и места, где лежит земледелец»; «Русские деревенские кладбища содержатся в отвратительном виде: канавы не подновляются, изгородей нет, кресты ломаются бродящим по могилам скотом, ни одного деревца или кустика...», – в свою очередь констатировали равнодушные общественные деятели и публицисты⁵⁸. Подобную картину образно охарактеризовал в своих воспоминаниях и выходец из крестьянской среды митрополит Вениамин (Федченков):

«А вот далёко, на кургане,
Без крыльев мельница торчит.
За ней на кладбище крестьяне
Нашли покой. Все тихо спит.

⁵⁴ Пономарев С. Указ. соч. – С. 59; Семёнова О.П. Смерть и душа... – С. 230–231; Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М., 1994. – С. 43.

⁵⁵ Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1339. В ГАТО сохранилось достаточно письменных свидетельств о препирательствах духовенства и «мира» по поводу использования кладбищенских ресурсов (например, травы) и превращения погоста в пастбище для домашнего скота. Их них следует, что причт, не удовлетворяясь покосом кладбищенской травы, зачастую также не гнушался пастьбой на «могильных зеленях», забыв об элементарных приличиях, сообразных своему сану (ГАТО. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 8426. – Л. 9 об., 6 об.–7; Оп. 3. – Д. 4190/1. – Л. 1–2).

⁵⁶ По данным М. Забылина, в некоторых районах (например, в Псковской, Тверской губерниях) на кладбищах на Святки гадали вплоть до начала XX в. (Забылин М. Указ. соч. – С. 59).

⁵⁷ Цит. по: Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1339.

⁵⁸ Селиванов В.В. Указ. соч. – С. 145; Народные обычаи... – С. 131.

Вокруг – поля. В траве – могилы...
Кой-где кресты. А то – и кол.
Канавы нет... теленок хилый...
Одна ветла... Весь вид здесь гол...»⁵⁹

Попытка власти вменить приходским попечительствам функцию содержания в порядке кладбищ закончилась неудачей⁶⁰. Указ Св. Синода от 30 апреля 1897 г., обязавший приходское духовенство «озаботиться о безотлагательном приведении в порядок и благоустройстве кладбищ»⁶¹, увенчался довольно относительным успехом. Фактически не имевший никакой возможности кроме как проповедью воздействовать на крестьянское сообщество, сельский священник мог лишь хлопотать перед «миром» о благоустройстве прихрамовой территории, обычно включающей и небольшое кладбище⁶². По воспоминаниям одного сельского священника, демонстративный саботаж прихожан (как всегда мотивированный тяжёлым материальным положением) иногда сопровождался и глумливыми шуточками: «Да и покойнички наши народ скромный, облежались, небось, не разбредутся и без ограды»⁶³. В итоге большинство сельских кладбищ не соответствовали месту, располагающему к мыслям о вечном покое и выражающему христианскую любовь и заботу.

Периодически (как правило, накануне самых значимых православных праздников) заботясь о могилах своих близких, русский крестьянин зачастую оставался слеп к соседним. Иные не брезговали и кладбищенским воровством: нередко даже деревянные кресты или воткнутые в могилу небольшие шесты, ранее использованные как носилки для гроба, расхищались на дрова⁶⁴. Воров не останавливал даже суеверный запрет на вынос с кладбища любых предметов (даже древесных веток), чреватый неминуемым мистическим наказанием⁶⁵.

Тверского священника Иоанна Колоколова, проводившего краеведческое обследование села Никольское-Неверьево, изумил случай использования в одной крестьянской семье старинной могильной плиты на подпечье⁶⁶. Видимо, подобное функциональное назначение кладбищенской атрибутики ничуть не смущало многочисленных домочадцев. Воистину: «Годится – молиться, не годится – горшки покрывать».

Случаи ограбления покойников, осквернения могил и надругательства над трупами также имели место⁶⁷. Однако чаще всего прецеденты вскрытия могил и глумления над мёртвыми телами совершались по суеверию, прежде всего в отно-

⁵⁹ Вениамин, митрополит (Федченков). Божии люди. – М., 1991. – С. 103.

⁶⁰ Иосиф-ль Церковно-приходская жизнь // Русский вестник. – 1892. – Июль. – С. 76.

⁶¹ Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1339.

⁶² Священник села Маслово Тверского уезда Тверской губернии даже обратился в полицию с просьбой «побудить прихожан огородить кладбище» (ГАТО. – Ф. 160. – Оп. 3. – Д. 4190/1. – Л. 1).

⁶³ Попов А., протоиерей Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии. – Вологда, 1913. – С. 181.

⁶⁴ Церковная летопись села Алгасово. Публикация С.В. Кузнецова // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: Этнографические исследования и материалы. – М., 2002. – С. 422.

⁶⁵ Народные обычаи... – С. 132.

⁶⁶ Колоколов И. (свящ.). Села Петровское–Знаменское и Никольское–Неверьево Корчевского уезда в их прошлом и настоящем. – Тверь, 1906. – С. 36.

⁶⁷ Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1344.

шении «заложных» (по терминологии Д.К. Зеленина⁶⁸) покойников, умерших естественной смертью: опойц, самоубийц, колдунов⁶⁹.

Значительные природно-климатические катаклизмы в южных регионах России нередко сопровождались актуализацией демонологических представлений, на фоне которых коллективные психозы вызывали к жизни наиболее архаичные ритуалы. Так, летом 1873 г. обезумевшие от затянувшейся засухи крестьяне деревни Баландаевой Бугульминского уезда Самарской губернии попытались разрыть могилы двух замерших зимой сельчан и перенести их с общего кладбища «куда – либо на низменное и мочажинное место», поскольку якобы из-за них «Бог дождя не даёт». Эту затею им не позволили закончить священник и церковный сторож, заставшие их на месте преступления. Этим же летом в селе Сумарокове крестьяне вырыли из земли тело замерзшего в декабре односельчанина, изрубили его на куски и бросили в болото. Жители села Каменка, заметив провал на трёх могилах и сочтя покойников за колдунов, имевших влияние на отвод дождевых туч, собрали сход и выбрали «опытных людей», которые для приманки дождя разрыли могилы, перевернули тела в гробах лицом вниз, залили водой и снова «прочно» засыпали их землёй. (Как сообщает очевидец, действия эти успеха не возымели⁷⁰.) В мае 1889 г. старухе Денисовой из села Ельшанка Саратовского уезда Саратовской губернии во время продолжительного бездождья приснился какой-то старик, приказавший ей вырыть опойцу Степана («А то у вас семь недель дождя не будет!»). Старуха рассказала свой сон соседям, и сход решил исполнить веление пригрезившегося Денисовой старца. Сельский староста, опасаясь упреков мира за бездействие в общественно важном деле, отправился с крестьянами разрывать могилу опойцы. Местный урядник, узнав о преступном намерении мужиков, просил содействия у приходского священника, но тот уклонился, сочтя это делом полиции. В результате староста и шесть крестьян попали под суд по обвинению в разрытии могилы для совершения над трупом суеверного обряда «спуском его в воду» для вызова дождя⁷¹.

Примечательно, что все известные случаи такого рода относятся к южнорусским регионам и Украине. По замечанию Д.К. Зеленина, специально занимавшегося сбором и систематизацией подобных происшествий, в северных губерниях и Центральной России не было известно ни одного подобного случая⁷². Кроме того, обращает на себя внимание и то обстоятельство, что наибольшее число таких деяний зафиксировано в Нижнем Поволжье. В частности, известно, что в Самарской губернии существовало несколько сектантских групп со своими весьма специфическими практиками, отличавшимися кощунством⁷³. Впрочем, это утверждение является лишь предположением. Возможно, решающим фактором здесь явилось южное территориальное положение данных земледельческих регионов, периодически подвергавшихся наиболее жестокой засухе.)

⁶⁸ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии...

⁶⁹ Белогриц-Котляревский Л.С. Мифологическое значение некоторых преступлений, совершаемых по суеверию // Исторический вестник. – 1888. – Т. XXXIII. – С. 106; Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1355; Быт великорусских крестьян... – С. 144–145.

⁷⁰ Юдин П. Семь лет неурожайных (Из истории Самарских голодовок) // Русская старина. – 1909. – Июль. – С. 118–119.

⁷¹ Местная хроника // Северный вестник. – 1890. – № 12. – Отд. II. – С. 77. Похожие случаи фиксировались в Саратовской губернии и ранее (См.: Народные обычаи... – С. 50).

⁷² Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии...

⁷³ Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1635–1636, 1643–1644, 1652.

Поведение русского крестьянства на кладбищах во время поминовения усопших и в календарные праздники также было весьма далеко от христианских образцов. По церковным правилам на погосте запрещается устраивать пиршества, но в традиционные дни поминовения усопших крестьяне приносили на кладбище «множество разных съестных припасов и большое количество горячительных напитков», и по окончании панихиды начинались «шумные угощения, похожие на языческие тризны», по окончании которых иные поминальщики, будучи не в силах идти, даже оставались дремать на могилах⁷⁴. Праздничные походы многочисленных крестьянских семейств на родные могилы с самоварами, чаем и закусками производили незабываемое впечатление на образованных современников⁷⁵.

Подводя итоги, можно отметить, что, несмотря на серьезные ментальные подвижки в крестьянской среде, тема смерти (с загробным воздаянием) по-прежнему оставалась одним из ведущих компонентов религиозного мировоззрения, определяющим мотивы и стереотипы поведения русского православного крестьянства. Кроме того, можно утверждать, что высокий уровень смертности – это ещё и показатель достаточно большой степени религиозности сельских обывателей. В целом же пореформенная тенденция, характеризующаяся вытеснением традиционализма из сознания и жизни крестьянского населения, незначительно затронула систему ценностей и ритуально-обрядовый комплекс, так или иначе связанные с представлениями о смерти.

D.A. Komarov

CULTURE OF DEATH IN RUSSIAN VILLAGE OF SECOND HALF XIX – XX CENTURIES

Summary

This article is devoted to studying of Russian peasantry culture of death in a historical and anthropological context. Despite of serious mental motions in the peasant environment, the theme of death (with beyond the grave requital) still remained one of the leading components of religious outlook determining motives and stereotypes of Russian orthodox peasantry behaviour. The post-reform tendency of replacement of traditionalism from consciousness and a life of the country population, has slightly enough touched system of values and the ritually-ceremonial complex, anyhow connected with death.

⁷⁴ Булгаков С.В. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 1364; Селиванов В.В. Указ. соч. – С. 145; Максимов С.В. Указ. соч. – С. 135–136; Смоленский этнографический сборник... – Ч. II. – С. 317–318.

⁷⁵ См.: Народные обычаи... – С. 133; Барсов Е.В. Указ. соч. – С. 303; В.П. О благоприличном содержании приходских кладбищ // РДСП. – 1896. – Т. 1. – С. 16–22.